

В чертогах Пэнлай и Чжуцзин также было множество таких колокольчиков, только сделаны они были из хрусталя и в солнечный день переливались всеми цветами радуги.

Летом во время занятий меня часто клонило в сон. Мои наставники были заняты своими делами и не могли постоянно за мной присматривать, а женщины-чиновники и девушки-прислужницы не решались строго меня контролировать. Тогда они обратились к Цуй Мин-дэ, и та предложила повесить колокольчики ветра на все четыре угла крыши.

Чертог Пэнлай находился недалеко от пруда Тайе, где почти всегда дул ветер, и звон колокольчиков раздавался непрерывно. Под этот перезвон сонливость часто отступала. В то время каждая из моих прислужниц подарила мне по колокольчику — были золотые, серебряные, нефритовые. Лишь Вэй Хуань подарила деревянный. Я тогда не знала о ее положении и просто находила этот деревянный колокольчик необычным и милым. Я хотела заказать в Шаофу целую партию таких же, но в итоге матушка, узнав об этом, пожаловала мне набор хрустальных колокольчиков с резьбой. На каждой бусине, на каждой нити узоры были разными: популярные пышные цветы, стоящие птицы, вьющиеся побеги, изящные орхидеи и ползучие растения, а также множество сенок из древних и современных историй, вырезанных в миниатюре. Но как бы хороши они ни были, первым мне в глаза бросился тот самый деревянный, и он-то и полюбился больше всех.

Мои служанки, видя мою любовь к таким вещам, тоже принялись искать и преподносить мне колокольчики. Они не могли соперничать с матушкой в богатстве, а с моими прислужницами — в изысканности вкуса, поэтому старались удивить меня новизной. Кто-то принес свистульку, которую вешали под карниз, и когда ветер дул в нее, раздавался звук, похожий на крик дикого гуся. Другой преподнес железный колокольчик, переделанный из армейского охотничьего, — он звенел резко и громко, и при первом же звоне все ласточки и воробьи вокруг в испуге взмывали в небо. Но больше всего мне пришелся по душе подарок госпожи Ян. Она велела своему сыну принести мне из-за дворца нечто вроде фонаря с вертящимися картинками. Сверху была свистулька, которая пела на ветру нежным голосом, а внизу висели медные пластинки-цин. Когда свистулька звучала, цин вторили ей металлическим перезвоном. Два этих звука, накладываясь, складывались в простую мелодию. Самое же чудесное было то, что между ними вращались шестнадцать вееров, расписанных сценками из разных мест. Когда ветер рождал мелодию, веера тоже начинали медленно кружиться. Госпожа Ян садилась со мной на веранду и неторопливо рассказывала удивительные обычаи, о которых где-то слышала: в пятистах ли к югу от Хуаньчжоу лежит государство Чжэньла, и тамошние люди не носят одежды; в Фэнчжоу есть река, что течет из Туфани, — летом вода в ней холодна, как лед, и кишит мелкой рыбешкой, когда рыба приходит или уходит, поверхность реки будто кипит, а местные жители кормятся ею, и рыбы не убывает; народ ляо в Линнани обожает «медовых пищащих» — это зародыши мышей, маринованные в меду; на Западе есть «коленопреклоненные ху» — позови такого по имени, и он будет биться лбом о землю без остановки, пока не умрет... Этим рассказням я не верила, но жизнь во дворце текла медленно, и послушать иногда диковинные небылицы было не так уж плохо. Поэтому я не гнала ее, когда она несла эту околесицу.

И не только я — мои прислужницы тоже интересовались подобными историями. Стоило госпоже Ян усестись рядом со мной на улице, как не проходило и четверти часа, а эти девицы из знатных семей уже потихоньку собирались со всех сторон: кто — чтобы обсудить со мной урок, кто — чтобы преподнести безделушку, а кто и просто «случайно» проходил мимо и заходил поздороваться... Тогда мы еще не были близки, но, сидя вместе, ходили на давних подруг, делящихся секретами. Даже Цуй Мин-дэ, обычно неукоснительно соблюдавшая девичьи правила, в такие моменты часто откладывала в сторону спесь аристократки, снимала туфли и, усевшись с нами в ряд на полу галереи, болтала ногами в воздухе, слушая истории

госпожи Ян.

Я уверена, что и после смерти госпожи Ян найдутся те, кто будет усердно рассказывать мне подобные истории и дарить еще более искусно сделанные вещи. Скажи я с утра: «А все-таки деревянные вещи лучше», — и к вечеру моя галерея будет заставлена всевозможными деревянными изделиями. Произнеси я вечером: «Интересно, а люди в Чжэньла правда не носят одежды?» — и непременно найдется тот, кто серьезно разыщет для меня «Исследование обычаев и географии Великой Тан». Но некоторые вещи, изменившись, уже никогда не станут прежними.

Смеркалось. Кто-то с фонарем в руке подошел ко мне. В сумерках я не различала ее лица, видела лишь, что это девушка лет четырнадцати-пятнадцати, стройная и легкая в движениях. Я подумала, что это Вэй Хуань, уголки губ сами собой поползли вверх, но тут же опустились. Когда та подошла ближе, оказалось, что это служанка моей матушки. В душе моей почему-то полегчало. Я поспешно надела туфли, спрыгнула с перил и, подобрав руки, замерла в ожидании слов.

— Госпожа спрашивает, поужинала ли Эрнян? Если нет, то велит Шаншаню приготовить несколько легких блюд, перекусить немного и пораньше лечь отдыхать. Еще госпожа велела передать: завтра церемония будет долгой, Эрнян может положить в рукава немного сладостей, и если проголодается — тайком перекусить.

Она принесла с собой ларец с едой — жаворонков на вертеле, пожалованных матушкой. Мясо было нарезано тончайшими полосками, пропитано бульоном, а затем зажарено на огне и посыпано толченым юйцзяо и перцем; оно еще хранило тепло. К жаворонкам прилагались свежее испеченные кунжутные лепешки — без начинки, только с кунжутом на поверхности. Из печи они выходили хрустящими, маслянистыми и ароматными. Аппетита у меня не было вовсе, но, уловив этот запах, я невольно сглотнула слюну. С улыбкой поблагодарив ее, я взяла ларец, ушла внутрь и вмиг умяла три лепешки. Желудок насытился, и настроение немного улучшилось. Я тут же велела позвать Сун Фою и спросила:

— Как продвигается проверка служащих Приказа Дяньчжун?

Сун Фою опешила:

— Людей еще не набрали, да и какие именно отделы проверять — тоже не решили...

Я тотчас нахмурилась:

— Если есть виновные — хватайте. Какие еще отделы?

Сун Фою ответила:

— Во дворце наказания полагаются за воровство, лень, обман, непочтительность — проступков много. Я как раз думаю, за какое направление кому отвечать. Когда составлю план, сразу представлю его вам.

Звучало это чересчур уж казенно. Я махнула рукой и велела позвать Вэй Хуань. Та явилась откуда-то в хуском костюме, набекрень сдвинув войлочную шапку. Я намеревалась принять важный и строгий вид, чтобы обсудить с ней дело, но, увидев этот наряд, невольно выпалила:

— Что это ты в таком наряде? А смотрится хорошо.

Сознав свою оплошность, я поспешно добавила, обращаясь к другим:

— Вам всем стоит поучиться у Вэй Хуань одеваться так же — для дела удобнее.

Сун Фою решительно не одобрила:

— Госпожа еще не вернулась к светской жизни, ей подобает носить даосские одеяния.

Вэй Хуань опустила голову:

— Это моя вина. Поскольку я не взяла с собой верховой одежды, пришлось надеть хуский костюм, чтобы как-то выкрутиться.

Я удивилась:

— Ты ездилa верхом?

Последующие слова: «Почему меня не позвала?» — я едва успела проглотить. Махнув рукой, я сделала вид, что это неважно:

— Всего лишь одежда. Если удобно — носи. И потом, разве даосам нельзя брать в услужение хуских девиц? А по-моему, этот наряд очень хорош. Сделайте себе всем по такому же, и вместе погоняем мяч.

Вэй Хуань сделала вид, что не слышала моих слов об игре в мяч, и спросила, подняв голову:

— Вы звали меня, принцесса?

Тут я вспомнила, зачем она здесь, и, поджав губы, сказала:

— Матушка велела мне срочно проверить дворец на нарушения, а госпожа Сун говорит, что еще не определила, кого назначить. Вот я и позвала тебя, чтобы вместе подумать, нет ли какого способа.

Вэй Хуань медленно оглядела присутствующих, затем снова взглянула на меня:

— У меня как раз есть способ. Он не требует много людей и позволит полностью выкорчевать все темные делишки.

Я невольно подвинулась вперед:

— Говори скорее.

Вэй Хуань опустила глаза:

— В чертоге Цзычжэнь каждый может доложить дело Тяньхоу, и та не гнушается даже мелочей. Любое слово будет ею услышано. Поэтому всякая нечисть попряталась, и свет мудрости Шэнжэня озаряет все. Я полагаю, принцесса могла бы перенять этот метод и позволить людям доносить друг на друга.

Едва она произнесла эти слова, как все вокруг изменились в лице. Даже я вздрогнула:

— Но это же поощрение доноительства!

<http://bllate.org/book/16278/1466244>